

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

# Прошу вас: поклонитесь женщине

**Приближается знаменательная дата истории нашей страны, нашего народа — 60-летие Победы над фашистской Германией. Победой предшествовала страшная, разрушительная вторая мировая, а для нас — Великая Отечественная война.**

В июне 1941 года наши женщины, отправив своих мужей и сыновей на фронт, в невероятных тяготах обеспечивали его всеми необходимыми, старались сохранить очаг семейный и оберегать детей. Трижды прав известный писатель Федор Абрамов, написал: "Ведь это она, русская баба своей сверхчеловеческой работой ещё в сорок первом году открыла второй фронт". И какое же надо было иметь мужество, какую силу, чтобы, оплакивая погибших, помогать на фронте живым и детей беречь!

Приведу один пример. Моя мама после гибели отца осталась сам-пят: трое детей и старшая больная бабушка. Это была беда многих семей. В послевоенный голодный год наша семья оказалась на грани: начали опухать от голода младший брат Василий и бабушка Пелагея Васильевна. Дальняя наша соседка тетя Люба Шевякова жила в ветхой избенке с дочерью лет двенадцати очень бедно. Но, узнав о нашей беде, поспешила помочь. Помню, как она приходила к нам, открывала дверь и говорила: "Здравствуйте вам!" Молча проходила к столу, размала большую ладонь, молча клала на край стола средних размеров картофельку с глубокими глазками и так же молча уходила. Я смотрела на эту картофельку и думала: "Васе и бабушке будут варить суп, а мне не положено — они болеют, а я хожу. Поедят супу, и станет им хорошо, выздоровеют. И тогда мы все вместе будем есть".

Прошли десятилетия. Но до сих пор в глазах моих стоит эта картина великой доброты, духовной силы этого могучего поколения.

В последнее время я часто бываю в семьях вдов Великой Отечественной. Каждая встре-

ча — это откровение, как будто к светлостному, чистому роднику припадешь. Совсем недавно мы с Владимиром Алексеевичем Власовым — известным краеведом — побывали в гостях у его тети Екатерины Федоровны Алексеевой. Родилась она в 1913 году в крестьянской семье. По рассказам родни, выходы они из казаков. Так уж сложилось, что на первую треть жизни Екатерины Федоровны выпало три кровопролитные войны: первая мировая, гражданская и Великая Отечественная, которая и определила её судьбу.

**З**амуж Екатерина вышла в 18 лет. На одной из сельских вечеринок стройная, с тонкими чертами лица, скромная до застенчивости не танцующая девушка покорила сердце бравого парня, заядлого танцора Василия Алексеева. Поженились. А в 1939 году Василий увез жену в Орел, где работал командиром отделения военизированного отряда на железной дороге. Жили на Семинарке, как говорится, в мире, любви и согласии. Росла дочка Вера, ждали сыночка. Но грянула жестокая война. Враг приблизился к Орлу. В надежде обезопасить семью Василий отъезжает в село Долгое (Орловский район). Через несколько дней забегал простились — уходил на фронт. Был он уже в первозданной головной — немцы ожесточенно бомбили станцию Орел, и Василий зацепило осколком. Тогда они ещё не знали, что прощаются навсегда. Василий погибнет под Сталинградом в 1942 году, но об этом Катя узнает почти через четыре года, а до того душу будет согревать надежда.

Не оправдались и предположения Василия, что в селе его семье будет в военное вре-

мя безопасно. И там достали их фашисты. Зима первого года войны была на редкость суровая. Как будто сама природа вознегодовала на ворога и наслала на него лютой мороз. Но леходеи находили выход: отнимали у мирных жителей теплые вещи, выгоняли из теплого угла. Кое-кто пытался сохранить некоторые вещи, закопав в снег. Но оккупанты это заметили и весь снег вокруг домов взорвали штыками. Хозяев и жильцов выкинули в хлев. В хлеву стояла корова. Вера очень хотела, чтобы мама надоила немножко молочка, но это грозило страшной расправой. Молоко могли пить только захватчики...

**М**ы сидим за чашкой чая, беседуем с дочерью Екатерины Федоровны Верой Васильевной. Самой Екатерине Федоровне трудно поддерживать беседу. Ей уже за девяносто. От горя и забот померк свет в очах, не все ладно со слухом, замедлена речь, но Господь хранит ей разум. Она всё понимает, обо всем болит её душа.

Вера тихонько рассказывает о тяжелой жизни в оккупационном режиме. Когда-то она помнит сама. Тогда ей шёл седьмой годок — тот возраст, когда запоминают сердцем и навсегда. И вдруг слышу, Екатерина Федоровна как будто про себя повторяет несколько раз одно и то же слово: "Бузиновка, Бузиновка, Бузиновка...". Я взглядом задаю вопрос Вере: "Что это значит?". "В этом местечке недалеко от Сталинграда, — говорит она, — погиб и похоронен с почестями отец. А мамочка забеспокоилась, как бы мы не забыли об этом упоминуть". Как это трогательно, поверьте. Даже сердце защемило. А затем Екатерина Федоровна тихонь-

ко добавила заветное: "Он был очень хороший человек. До сих пор, вспоминая, знакомые называют его Васечкой. Любил детей. Был нежен и ласков". "Дядя был действительно очень хороший, добрый человек, — подтверждает Владимир Алексеевич. — Мы с Верой были погодки, играли вместе. Дядя часто брал меня на руки, кормил пряниками-жамками. Мне было так спокойно и уютно на больших, сильных и ласковых дядиных руках. А уж когда мы катались на карусели, от восторга и радости даже дух захватывало. Война всё разрушила".

Но потому-то и победила наша страна, что за неё были тысячи и тысячи хороших людей, людей великой силы духа и большого мужества. Очень тяжело было при немцах, но всё же мы были дома, на своей земле, — продолжает рассказ Вера, — а дома, как говорится, и стены помогают". В середине 1943 года, когда наши войска выиграла тяжелейшую битву на Белгородском и Орловском направлениях, враг начал откатываться на запад. Оставив от поражения, сжигал всё, разрушал на пути отступления города и села, а жителей гнал в полон, прикрываясь ими как щитом, чтобы избежать больших потерь.

Постигла эта участь и Екатерину Федоровну. Её с дочкой и братьями тоже погнали на запад. До станции Унеча шли пешком, а затем их погрузили в товарные вагоны и вывезли в Германию. Содержали в лагере "Бритц" недалеко от города Эберсвальде. Здесь пришлось мучиться до освобождения — до апреля 1945 года. Под конвоем везли работать на военный завод. Вначале Екатерина работала на разных работах, а в последний год — на станке под присмотром француза нарезала гайки для снарядов. Это было самое мучительное: сколько слез пролито, ведь

снаряды отправляли на восточный фронт, где воевал с фашистами её Василий.

Но она ничего не могла сделать, будь одна, своей жизнью не стала бы дорожить и на врага работать, но с нею дети — малолетняя дочка и два брата. Она не имела права ими рисковать. Вот и мучилась и физически, и морально. Кормили один раз в сутки: суп из брюквы, вареная морковь, шпинат. "После возвращения, — говорит Вера, — я двадцать лет не могла без тошноты смотреть на вареную морковь. А однажды стали чай заваривать и мне обожгли

грудь, так что на всю жизнь шрам остался. В ответ на мой крик только засмеялись. Тяжело было, голодно, часто "маялись животом". Выпустили нас как-то в ближайший лесок на чернику. Я и ещё несколько детей залуптали и отстали. За это посадили в карцер. Еле родители нас вымолили".

Перед приходом наших войск начальник лагеря сбегал, а узники пошли навстречу канонаде. Попали под перекрестный огонь. Екатерина Федоровна сделала в лощине небольшое углубление, положила дочку, а сама свер-

нула. Остались живы. Наконец свобода! Домой возвращались тоже в товарном поезде, но были счастливы бесконечно. Дома ждали Екатерину развалины и большое горе — погиб её Василий Иванович. Это потеря и боль души на всю жизнь. Могла бы эта скромная, рассудительная, исключительной доброты женщина (родные называли её "голубем мира в семье") устроить после войны личную жизнь, но ни к кому не легла душа — помнила своего Василия.

Недавно Екатерина Федоровне сравнялся 91 год. От души пожелаем ей доброго здравья, мира и добра.

Хотелось бы закончить такими строками:  
В моем родном Орле,  
В Клину, Ростове-на-Дону,  
На Брянщине  
и на Смоленщине...  
От всех детей, кто видел  
ту войну,  
Прошу вас:  
В День Победы поклонитесь  
ЖЕНЩИНЕ!  
**Евгения КАРНЮШИНА.**  
**Ответственный секретарь**  
**Союза женщин Орловской области.**

**Серето® Плюс**  
УДАР ПО ВЬЮНКУ

- лучший, имеющийся на рынке, гербицид для контроля вьюнка
- высокая эффективность против подмаренника, осота, мари и прочих сорняков
- наличие двух действующих веществ обеспечивает быстрый эффект (симптомы видны через 3-5 дней)

**ТЕХНИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ:**  
Белгород: (0722) 31-64-85, 31-65-37  
Воронеж: (0732) 51-23-13  
Курск: (0712) 52-09-76

**BASF**  
The Chemical Company

ИЗ ПРОШЛОГО

# Они учились в Орле

(Окончание. Начало в предыдущем номере).

## Владислав Лукомский

Семья Лукомских переехала в Орел из Калуги в январе 1897 года. Отец — Крескентий Павлович (иногда пишут Крескентий — обладатель столь необычного имени был католиком) — занял должность старшего инженера Губернского земства по дорогам. Сыновья, родившиеся в Калуге, поступили учиться.

Старшему брату — Владиславу (он родился 5 июля 1882 года) — довелось учиться в знаменитой Орловской гимназии, которая дала миру немало выдающихся людей. Здесь Владислав, который получил аттестат зрелости, в 1907 году открыл ему дорогу на юридический факультет Московского университета. Начала Серебряного века было богато на всевозможные течения в литературе и искусстве, юноша был страстно увлечен некоторыми из них, сам пробовал сочинять стихи и прозу. На летних каникулах 1901 года побывал в Берлине, Кельне, Париже, Лионе, в городах Швейцарии, в Мюнхене и Вене. Из-за студенческих волнений занятия часто прекращались. А потому было время и для увлечений искусством, и для новых поездок в Европу.

По окончании университета (семья переехала в Петербург, поэтому В. Лукомскому довелось учиться и у В.И. Сергеевича) вчерашний студент в 1906 году получил должность журналиста в газете "Правительственный вестник", а затем в редакции официального органа "Русское Государство". Однако молодого исследователя больше увлекла история — вскоре он переводится на службу в Департамент герольдии сената. "Без отрыва от основной работы" окончил Петербургский археологический институт и в 1909 году был признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического института.

В качестве сотрудника Департамента герольдии (а здесь Владислав Лукомский

планомерно рос в должностях) участвует в работе авторитетных комиссий, в съездах, отправляется в командировки в исторические города страны. Совместно с В. Модзалевским выпускает книгу "Малороссийский гербовник" (1914), оформляет ряд других изданий, сотрудничает в журналах.

Революция абсолютно не нуждалась в гербах старой России. Усилиями В. Лукомского всё же удалось сохранить огромную коллекцию — на протяжении целых десяти лет после 1917 года он будет управлять музеем при Главном управлении архивным делом. С 1918 года заведовал также Царскоевским историческим музеем, с 1920 — историко-бытовым музеем в Фонтанном доме (Петроград). В результате многих реорганизаций, закрытий, упразднений учреждений и т.д. гербовая коллекция в конце концов вошла в состав Эрмитажа. Ее бессменный хранитель В.К. Лукомский также не избежал драматических коллизий — был в его квартире пятичасовой обыск в марте 1935 года, были арест, камера военной тюрьмы на Выборгской стороне. Правда, вскоре почтенного знатока герольдии выпустили...

Еще одно испытание — блокада. Ради сохранения своего дитяца Лукомский перешел в архивохранилище на казарменное положение, забросив холостяцкую квартиру. Перст судьбы — в феврале 1942 года его дом сгорел.

Лукомский был эвакуирован в Москву, здесь консультировал авторов театральных постановок, преподавал. На закате жизни пришло признание — ему было присвоено звание профессора Истории архивного института, а в апреле 1944 года и ученая степень доктора исторических наук. Владислав Крескентьевич Лукомский умер 11 июля 1946 года.



Александровское реальное училище.

бы в художественной школе увлекся стариной. Потом было успешное поступление на архитектурное отделение Академии художеств в Петербурге. Вместе с братом Владиславом в 1905 году отправился в поездку по Европе, "застрял" в Париже на несколько месяцев, сделал массу зарисовок города.

С детских лет имея слабые легкие, Георгий всегда называл первейшей причиной поездки за границу необходимость лечения. Потому осенью 1906 года снова отправляется в путь — на этот раз в Италию. Вернувшись в Россию, устраивает выставку своих зарубежных работ, сотрудничает в журналах, отправляется в провинцию, чтобы найти материалы для создаваемого в Петербурге Музея допетровского искусства. Это было настоящее открытие древней Руси — масса фотографий, зарисовок, споры с теми, кто пытался "обновить" старые здания. На этих материалах написаны и изданы фундаментальные книги Г. Лукомского "Кострома" (1913, книга написана совместно с братом Владиславом), "Вологда в ее старине" (1914), "Галиция в ее старине" (1915), первая часть "Памятников старинной архитектуры России в типах художественного строительства" (1916). Заслуга Лукомского — описание именно провинциальной, прежде малоизвестной широко читателю, архитектуры. Планы были грандиозные, но грянул 1917 год...

Февральская революция застала его архитектором царскоевских военных строительных комиссий. Ему был предложен пост председателя художественно-исторической комиссии царскоевских дворцов. Лукомский провел титаническую работу по превращению бывших дворцов Романовых в музеи. Увы, в окружении талантливого архитектора и музейщика начались интриги... Когда описания были закончены, а дворцы и павильоны, предполагавшиеся к открытию, открыты,

в ноябре 1918 года Г. Лукомский уехал в Киев. Здесь он также занимался созданием музея, читал лекции, заведовал описанием, реставрацией и музейфикацией памятников архитектуры древнего города.

Когда в Киев вошла Добровольческая армия, Лукомский, как бывший советский работник, вынужден был срочно уехать из города. Он планировал заняться дворцом в Ливади, но вскоре перебрался в Константинополь — по версии самого исследователя, для изучения византийской архитектуры. Так начались три десятилетия эмиграции — Италия, Франция, Германия. Много лет Г. Лукомский прожил в Париже, был секретарем Парижской группы "Мира Искусства", опубликовал массу работ, устраивал выставки своих произведений. Приятелю он писал из Парижа в январе 1922 года: "Не думайте, что здесь так уже "чуждо" живется! Еще я-то зарабатываю и имею заказы... Но морально: скука, работа на других (и эмигранты — чуждая, глупая, безкусовая семья; и на французских работниках неохота, какие они отсталые!) — неприятно. Любовь к России не только не остыла; напротив: страшная грусть, тоска, стремление к ней". Постоянно назначал себе сроки возвращения на родину, защищал в Европе Советскую Россию, повсюду доказывая, что большевики не разграбили царские богатства, что целы дворцы-музеи... Но всегда что-то мешало вернуться — в первую очередь, старая болезнь легких.

Когда началась вторая мировая война, Лукомский перебрался в Лондон, где продолжал работу над книгами по истории русского искусства XIX — XX веков, с окончанием войны вернулся во Францию. Умер Георгий Крескентьевич Лукомский 25 марта 1952 года в Ницце. Его произведения хранятся в фондах Третьяковской галереи, Русского музея, в Музее Тартастана в Казани, в музеях Парижа, Милана, Рима, Венеции.

...Несколько недель назад, будучи в Костроме, я купил книгу об этом древнем русском городе, написанную братьями Лукомскими. Первое издание вышло в свет в 1913 году, к 300-летию Дома Романовых, в судьбе которых Кострома сыграла роль колыбели. Ныне труд Лукомских переиздан в Москве — на прекрасной ме-

## Василий Саренко

На днях из Воронежа пришел по почте пакет, а в нем — ссеркопии газетных статей, письмо из недавно созданного "Воронежского центра гитары" — регионального отделения Всероссийского музыкального общества. Воронежцы просят обратиться к орловцам: известно ли что-либо о талантливом гитаристе и композиторе Василии Степановиче Саренко? Вот его короткая история...

лованной бумаге, в твердом переплете, со всеми полагающимися научными послесловиями. Прекрасная память о братьях — творцах и хранителях. И маленькое напоминание нам, орловцам, о юношах, которые начинали в Орле свой путь в мир науки и искусства.

— Доктор, — говорю я, — извините, перебил он меня. — Вот слушайте... — Простите, всё это прекрасно... — Только одну минуточку, — перебил он меня. — Слушайте дальше. Какова музыка? А? — Очень, — говорю, — превосходная, только... — А вот и финал... Слушайте, слушайте... Так проморил он меня около получаса, прежде чем мы отправились домой. Долгом считаю прибавить, что жене он очень помог, а играл он, как никогда я больше не слышал... Превосходно играл..."

В.С. Саренко скончался 17 июня 1881 года близ города Орла во время поездки к своей дочери — жене преподавателя Орловского реального училища Чупанова. Из Орла тете генерала доставили в Москву, где похоронили на кладбище общины сестер милосердия.

Возможно, кто-то знает об орловском периоде жизни этого человека, возможно, живы в Орле потомки?

Четыре судьбы, четыре истории жизни, в которых Орел занимает особое место: здесь, в нашем городе, эти люди учились. Учились по-разному: кто-то был отличником, кто-то — двоечником. Много лет прошло, Орел стал университетским городком. Но сколько бы ни ругали русскую школу, необходимо признать: из ее стен выходили разносторонние личности, эрудиты, люди, имеющие вкус к научной и просветительской деятельности. Не надо жалеть внимания и для сегодняшней школы, для наших юных сограждан. А вдруг рядом с нами в шумной ребячьей толпе буднично шагают за отметками будущий премьер-министр (Строитель тоже ведь когда-то окончил Орловскую гимназию), ректор университета и автор прекрасных и мудрых книг?

**Алексей КОНДРАТЕНКО.**